А.И. ИВАНИЦКИЙ
(Москва)

МОРЕ В ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА М.В. ЛОМОНОСОВА (к вопросу о феномене барочного классицизма)

В одической поэзии Ломоносова и его последователей море путем взаимных уподоблений суше превращается из арены русских побед над врагами в объект этих побед, а русский царь – в нового повелителя моря. Олицетворяя реки, рукотворно обращенные по воле монарха, ода делает воды его вассалами, соратниками и вестниками. В конечном счете влага неявно становится внутренним состоянием империи и мира в целом, обеспечивающим его вечный динамизм.

Ключевые слова: *метонимический сдвиг, олицетворение воды, покорение моря, соединение с морем, аллегория.*

В одах М.В. Ломоносова и его младших современников барокко обычно видится «великолепием», дополняющим классицизм и утверждающим имперское величие России. Барочный классицизм, как правило, отличается от классицизма как такового поэтически, но не содержательно. Между тем барочный компонент, как представляется, отражает самостоятельный уровень мироощущения просветительской эпохи. Образ моря в русской оде XVIII в., с нашей точки зрения, не только обнажает механизм перехода собственно классицизма в барочный, но и проясняет его внутреннюю мотивацию.

В прагматическом плане выход к морю связывался в оде с надежной защитой от внешних врагов и проложением морских торговых путей. Для этого необходимо преодолеть сопротивление противников России в морских сражениях, что и делает Петр Великий в одноименной поэме Ломоносова: *Строитель, плаватель, в полях, в морях Герой…,* трудом которого *…мир простерся над водами…* [4, с. 230, 50]. Море предстает равным себе компонентом классицистической, рациональной картины мира. Столь же устойчивыми значениями наделены и тропы, используемые при его описании. Победы русского флота метафорически предстают умиротворением самого моря: *…Утих свирепый вихрь в морях…; Вы, бурны вихри, не дерзайте / Подвигнуть ныне глубину…* (Там же, с. 50, 68). В рамках классицизма такой перенос значения – сугубо риторический. Однако в культурной модели просвещенного абсолютизма образ монарха перешел от средневековой позиции наместника Бога к позиции бога как такового: *Он бог, он бог твой был, Россия, / Он члены взял в тебе плотския, / Сошед к тебе из горьних мест…* (Там же, с. 67). Богоподобный монарх – демиург, творящий новый мир, природу и подданных: *Петр природу пременяет, / Новы души в нас влагает…* [8, т. II, с. 7] (о новой демиургии богоподобного монарха в просвещенном абсолютизме см. подробнее [2, с. 661–662]). В оде демиургия монарха воплощалась в том числе в покорении моря, воцарении в нем и установлении новых отношений между водой и сушей. Очевидно, именно эту идеологему выражала барочная составляющая ломоносовской оды, развивая при этом смысловой потенциал устойчивых одических тропов. Так, систематическое именование моря *бездной* или *пучиной*, в частности у В. Майкова, неявно превращает горизонтальное плавание в вертикальное погружение: *Рукою мудрыя в царях Екатерины / Отверсты россам днесь врата во все пучины…; …Да флаги мирные на сей пучине веют…* [5, с. 73–74]. Переплыть море фактически означает победоносно погрузиться в *пучину*.

В свою очередь, «морской супостат» России метонимически обозначается морским топосом, который он безуспешно защищал или в котором был побежден. Так, российские корабли *…вогнали …велик в морски заливы страх, мутила чем боязнь Эвксинской понт в брегах…*, а от русских моряков *…понт, как сильных бурь, бежал…* [4, с. 219]. То же самое встречаем у А.П. Сумарокова: *Наполнится пучина страхом, / Попрутся и валы и ветр…* [8, т. II, с. 110]. В целом у Сумарокова покорение Петром моря

© Иваницкий А.И., 2011

переходит из подтекста в текст: *На грозный вал поставив ногу, / Пошел меж шумных водных недр / И, положив в морях дорогу, / Во область взял валы и ветр, / ...Подвигнул страхом глубину, / ...Тритоны вспели песнь ему*... [8, т. I, с. 62].

Страх морей по смежности переносится на *брега*, которые формально означают населяющие их народы, но фактически – омывающие их моря: *Брега Ботнийских вод трепещут*... [4, с. 51]. Эта новая метонимическая связь *брегов* (не с людьми, а с морем) уже открыто утверждается Сумароковым: *Балтийский брег днесь ощущает, / Что морем паки Петр владает*... [8, т. II, с. 61].

Реальный враг России – шведский флот – оказывается морским чудовищем (метонимия покоряемого моря и его берегов): ... *чудовище огромно / Вспять движется уныло, томно, / Лишенно множества голов; / С трудом пловет, едва не тонет*... [6, т. II, с. 61].

Становясь явным, олицетворение покоряемого моря превращается в аллегорию, где море представляют соответствующие божества. Следует иметь в виду, что в рамках оды образ моря заимствован русской поэзией (а точнее, управляющей ею империей) в качестве не столько литературной, сколько общекультурной универсалии европейского «триумфального» барокко XVII – XVIII вв. Ода подносилась монарху во время праздника и часто выступала своего рода экфрасисом аллегорической инсценировки [1, с. 13–14; 7, с. 21]. Эта общекультурная топика моря неявно определяла трансформацию его тропеических значений в русской оде. Покоряя море, Петр в конечном счете бросает вызов его повелителю: ...*с трепетом Нептун чудился, / Взирая на российский флаг...; ... Нептун познал его державу*... [4, с. 87, 67]; ...*Твой флот уже в архипелаге: / Нептун скрывается в валах, / ...Тритон бежит во глубину*... [8, т. II, с. 149]. В итоге Петр замещает Нептуна, который ...*ему свой скиптр вручает / И с страхом Невский флот встречает*... (Там же, т. I, с. 61). Тот же Сумароков объявляет: *Вижу на валах высоких / Нового Нептуна я* (Там же, с. 109). У Ломоносова побежденный царь *пространныя пучины*, двинувшийся навстречу Петру *из глубины своей, где царствует на дне, в недосягаемой от смертных стороне*..., предлагает своему преемнику построить в море новые города, т. е. взаимоуподобить море и сушу: *«Твои, сказал, моря, над ними царствуй век... /...поставь в пучине стены...»* [4, с. 235]. Не случайно Петербург является *свету страшн[ым] град[ом]* (Там же, с. 65), т.к., по сути, построен *в пучине – недосягаемой от смертных стороне*. У Сумарокова Петербург – орудие покорения моря: ...*Тритоны в окияне тонут, / ...О коль ты грозен, Невский град!* [8, т. II, с. 45].

Прагматика морской экспансии в оде связала моря в один образно-смысловой узел с ведущими к ним реками: ... *великая Двина... / Сливаясь в сонм един со* ***бездна*****ми** *морскими, / Открыла посреде играющих валов / Других всех прежде струй пучине зрак Петров*... [4, с. 230–231].

Подобно морям, реки выступают в одах (в частности, у В. Петрова) самостоятельным объектом покорения: *Дунай от страха вспять потек, / Скрывает воды Прут под брег...*; *Все воды превратить во слезы хочет Буг*... [6, т. I, с. 52; т. II, с. 114]. Однако именно реки лежат в центре прославляемого одой рукотворного переустройства Натуры. По воле монарха они текут вспять от морей, вглубь страны, меняя фундаментальные отношения моря и тверди: *Великая Елисавет / Дела Петровы совершает / И глубине повелевает / В средину недр земных вступить! / От гласа росския Паллады / Подвиглись сильные громады / Врата пучине отворить! / О полны чудесами веки! / О новость непонятных дел! / Текут из моря в землю реки, / Натуры нарушив предел! / Уже в них корабли вступают, / От коих волны отбегают, / И стонет страшный Океан. / Помысли, земнородных племя, / Бывал ли где в минувше время / Пример сего чуднее дан?* [4, с. 108–109].

Рукотворная *премена* (разворот) рек дает новые основания для олицетворения морской и речной воды, текущей навстречу царице уже по собственной воле: ... *Амур / В зеленых берегах крутится, / Желая паки возвратиться / В твою державу от Манжур...; ...К тебе от всточных стран спешат / Уже американски волны / В Камчатской порт, веселья полны*... (Там же, с. 96, 59). Фактически моря вслед за реками разворачивают и свой путь, и свою роль. Они больше не «питаются» впадающими в них реками, но несут их в центр страны, питая ее и царицу.

Подобно рекам, навстречу монарху «текут» подданные: *Как с солнцем восстают к брегам Индейским воды, / Так в устья Невские лились к Петру народы*... (Там же, с. 224).

«Слияние» людей, «текущих» к царице, концентрирует в себе устремленность рек, на которых обитают данные народы: *Россия сдвиглась в малый круг / От Вислы, от брегов Днепровских, / От Двинских и Каспийских вод, /* ***Слиялся*** *в сонмы Твой народ* [9, т. VII, с. 200].

Восторг вод и людей лежит в основе их «течения» к царице и венчает его: *Всегдашним льдом покрыты волны, / Скачите нынь, веселья полны, / В брегах чините весел шум…; … Возвеселясь, подвиглось море / И к звуку приложило шум…* [4, с. 33, 108]. Восторг подданных также носит «водный» характер: *…Всего народа весел шум, / Как глас вод многих, вверьх восходит…; Несчетно множество народу / Гремящу представляет воду, / Что глас возносит к небесам…; Желания во всех, как тихих волн игра…* (Там же, с. 47, 151). У М. Хераскова встречаем: *… как в морях шумящих волны, / Гласят сердца, весельем полны, / Екатерину до небес* [9, т. VII, с. 87].

Сравнение людских восторгов с водой обусловливается в том числе и тем, что обозначение ликующих народов империи метонимически связано не с землями, а с омывающими их водами: *…различные языки / От рек великих и морей / Согласные возносят клики / К тебе, монархине своей…* [4, с. 83–84].

Уподобление народного волнения морскому – общее место поэтической топики, основанное, в частности, на этимологии самого слова «волнение». Однако в барочном классицизме «водоподобное» волнение народа являет собою род упорядоченной «феерии» и выражается за счет этимологического уподобления рукоплесканий плеску воды. Последний демонстративно превращается именно в «руко-плескание»: *Руками, реки, восплещите…; …Тебе от верной глубины / Руками плещут воды белы…* (Там же, с. 58, 144). В свою очередь ликующие люди «плещут» подобно водам и вместе с ними: *…А вам, дражайшие супруги, / Вам плещут ныне лес и луги, / Вам плещут реки и моря…* (Там же, с. 116). Всеобщий «плеск» натуры также разворачивает метонимическое значение берега, который означает уже не населяющий его народ, а омывающие его воды. В строке *Брега Невы руками плещут…* (Там же, с. 51) фактически Нева рукоплещет через свои брега (ср.: *…Там плещут Невские берега, / Низвергнув дерзкого врага…* (Там же, с. 137)).

Кульминация восторженного течения воды навстречу царице – устремление вверх: *…Великой в похвалу богине / Я воды обращу к вершине, / Речет: и к небу устремлю* (Там же, с. 102). В свою очередь народный *…****плеск*** *на небеса стремится, // Как шум от сонма многих вод* [5, с. 206]. У Е.И. Кострова читаем: *…новых плесков звуки // Восходят спешно к облакам* [3, т. I, с. 44]. Таким образом, реки в оде расширяют понятие моря до значения влаги вообще, внося принцип целенаправленного течения и наделяя покоренное море упорядоченным динамизмом.

Центростремительное течение вод и людей и его восторженное устремление вверх в виде плеска замыкает на себе Петербург – столица, построенная в «пучине»: *…Петровы возвышали стены / До звезд плескание и клик!* [4, с. 86]: *…жаром воспаленный / Стекался здесь российский род, / …Тогда великий град Петров / В едину стогну уместился, / …Чтоб плеск всходил до облаков…* (Там же, с. 94).

Восторженное устремление «плесков» вверх уравновешивается их устремлением вниз: *Сугубым ревом там и пеною порог / Стремится к низу, чтя монарших святость ног…* (Там же, с. 196).

Всеобщее «течение» к царице в конечном итоге делает ее самое питающей рекой – снова через цепочку метонимических сдвигов. Изначально царица – *…Седми пространных морь брегов / Надежда, радость и богиня…* (Там же, с. 33). С берегов власть царицы по смежности переходит на моря, и *благодарение* в одноименной оде адресуется уже *владычице российских вод* (Там же, с. 100), которая, в свою очередь, преобразуется в олицетворенную реку – неявно (*Владеешь нами двадцать лет, / Иль лучше, льешь на нас щедроты…; …От ней текут на нас щедроты…* (Там же, с. 132, 77)) и открыто (*…Ты суд и милость сопрягаешь, / …Так Нил смиренно протекает; / Брегов своих он не терзает, / Но пользой выше прочих рек: / Своею сладкою водою, / В лугах зеленых пролитою, / Златой дает Египту век…* (Там же, с. 82–83)).

В своем подобии реке царица преемственна Натуре, которая *сосцами реки проливает и теми всяку тварь питает…* и прямо объявляет собственное «претворение» в царицу: *Я с вами ныне торжествую, / …Что героиню таковую / В сей день произвела я в свет. / В ней хитрость вся моя и сила / Возможность крайнюю положила…* (Там же, с. 81).

«Речная» природа царицы передается, в свою очередь, ее державе: *Да возрастет ее держава, / …Как ток великия реки / Чем дале*

бег свой простирает, / Тем больше вод в себя вмещает / И множество градов поит; / Разлившись, на поля восходит… / И жатвы щедро богатит [4, с. 79].

Этот переход также является ступенчатым. «Излияние» царицы-«реки» на державу продолжается течением рек в качестве вестников русского золотого века вечной весны: *…О чистый Невский ток и ясный, / …Промчись до шведских берегов, / И больше устраши врагов, / Им громким шумом возвещая, / Что здесь зимой весна златая… / Замерзлым жизнь дает водам…* (Там же, с. 59).

Центробежная устремленность вод и наделенных их энергией людей делает мирную экспансию России разливом моря: *…море нашей тишины / Уже пределы превосходит, / Своим избытком мир наводит, / Разлившись в западны страны…* (Там же, с. 94–95).

«Излиянию» России на мир в качестве «моря тишины» предшествует ее распространение за моря: Елизавета – *…Богиня, коея державу обнять не могут седмь морей…* (Там же, с. 47). Таким образом, из объекта умиротворения море превращается сначала в вассала России и царицы, а затем во внутреннюю форму русского государственного мира, обеспечивающую его безграничный разлив вовне.

Итак, барочным классицизм создает, по-видимому, не троп, а выход новых значений за пределы реальности и государственной прагматики. Из предиката метонимии (т.е. арены побед русского царя над врагом) море превращается в субъект олицетворения – самостоятельного побеждаемого врага и объект покорения. Русский царь воцаряется в море в качестве «Нового Нептуна», строящего в «пучине» новую столицу.

Олицетворяя реки, рукотворно обращенные или соединенные по воле монарха, автор оды делает их вассалами и вестниками царя или царицы. В конечном счете влага становится внутренним состоянием русского, а затем и земного мира в целом. Мир, геометрически расчерченный классицизмом, уже не распространяется от человека, а как бы объемлет его в виде сферы. Став гомогенным и «текучим» по горизонтали и вертикали, он делает монарха олицетворенным средоточием упорядоченного центробежного/центростремительного движения вод, а его подданных – субъектами движения по этим водам.

В последней трети века барочная компонента (в том числе в описании моря) все более осознается классицизмом как самодостаточная и даже избыточная. Это отражают бурлеск В.И. Майкова (и обсценный – Баркова), прямая пародия на Ломоносова в «одах вздорных» Сумарокова и наконец рокайльное снижение барочно-аллегорической машинерии моря в «Душеньке» Богдановича. Однако в «мобилизованной и призванной» государством ломоносовской оде барокко не замещало собою классицистический рационально-государственный порядок, а осуществляло его в «витально-динамической» и игровой форме водной феерии.

Номинально выступая от имени народа, одописец фактически выражал самооценку монархии и монарха. В связи с этим можно предположить, что в целом барочный классицизм возрождал мифологические, бытийные мотивы построения модели мира человеком, «телесно» осваивающим этот мир и себя в нем.

Литература

1. Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. М.–Л., 1936.
2. Живов В.М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Из истории русской культуры. Т. IV: XVIII – начало XIX века. М., 1996.
3. Костров Е.И. Сочинения. Спб., 1802. Т. I–II.
4. Ломоносов М.В. Избранные сочинения. М., 2009.
5. Майков В.И. Избранные произведения. М.–Л., 1966.
6. Петров В.П. Сочинения… Спб., 1811. Т. 1–3.
7. Печерская Т.И. Историко-культурные истоки мотива маскарада // Сюжет и мотив в контексте традиции. Новосибирск, 1998.
8. Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. М., 1781. Т. 1–10.
9. Херасков М.М. Творения... М., 1796–1803. Т. 1–12.

Sea in the poetic world model by Lomonosov (considering the issue of the baroque classicism phenomenon)

In the odic poetry by Lomonosov and his followers, by ways of mutual assimilation to land sea becomes from the field of Russian victories over enemies to the object of these victories, and the Russian Tsar – to the new sea sovereign. Embodying rivers, man-made turned by will of the monarch, the ode makes the waters its vassals, companions and heralds. In the end moisture becomes implicitly the inner state of the Empire and the world as a whole, providing its eternal dynamism.

Key words: *metonymical shift, embodiment of water, subjugation of sea, junction with sea, allegory.*